

Мороз в разгаре лета

Русские против агрессоров

С Юрием Ивановичем Минераловым, профессором, доктором филологических наук, заслуженным работником науки, автором десятка учебников по истории русской литературы, нескольких фундаментальных монографий, автором публикаций в журнале «Народное образование» беседует наш коллега Арсений Александрович Александров.

Во время подготовки этого выпуска Юрия Ивановича не стало. Мы приносим глубокие, искренние соболезнования Ирине Георгиевне Минераловой и посвящаем эту публикацию памяти Учителя.

— Юрий Иванович, оцените, пожалуйста, предвоенную ситуацию 1812 года. Какие просматриваются варианты развития событий?

— Насколько могу судить, Наполеон готовился к войне с Россией коварно и неуклонно. В мае 1812 года его «Великая армия» сосредоточилась в Польше на Висле, а через три недели началась её скрытная, по частям, переброска на Неман — то есть, непосредственно к нашей границе. Такого варианта, чтоб он вдруг взял да «соблюл» Тильзитский мир (по которому Франция и Россия считались не более и не менее как союзниками!), как-то не просматривается.

Жаль, что редко и неглубоко проводится параллель между нападением на нас Наполеона и Гитлера. Речь не только об однотипности зловещих фигур этих деятелей, заливших кровью Европу, и не только Европу. Ведь сами события вначале развивались очень похоже!

Я бывал во Франции, искренне уважаю французскую науку и литературу, и должен сказать, что Наполеон — явление не французское. Он — порождение болезненного времени в Европе. И Франции его авантюры принесли неисчислимы бедствия.

**Вступление русских войск
в Париж. 1814.**
Худ. А.Д. Кищенко.

Идеология победы

— *Между прочим, в 1941-м аналогия ни у кого не вызывала сомнений! В одном из первых боевых киносборников Наполеон посылал телеграмму Гитлеру: «Не советую. Пробовал — не вышло. Наполеон». А знаменитый плакат Кукрыниксов — «Наполеон потерпел поражение. То же будет и с зазнавшимся Гитлером».*

— Правильный плакат. Бросается в глаза, что немцы отчаянно подражали Бонапарту!

— *Даже войну начали практически день в день если не с переходом через Неман, то с опубликованием рокового наполеоновского воззвания к армии.*

— Это самое очевидное, но были и другие попытки подражать Наполеону. Немецкие генералы даже останавливаться любили там, где он квартировал, продвигаясь вперёд по России. А 13 октября 1941 года, начиная 400 танками первый бросок на Москву (и не где-то там, а через Бородинское поле!), эсэсовцы не ограничились этой символикой. Они пустили в «первом эшелоне» французов-коллаборационистов, перед которыми немецкий генерал и соответствующую напутственную речугу толкнул, помянув «великие дела» Наполеона. Этим французским эсэсовцам первым тут же и наклепали по загривкам на Бородинском поле сибирские стрелки В.И. Полосухина.

— *Какое значение имела в те годы европейская русофобия? Когда она появилась и в чём выражалась? Можно ли здесь говорить о традиции, которая не прерывается до нашего времени?*

— Ну, английская и ещё кое-какая западная пропаганда после Тильзитского мира, то есть без малого пять лет, изощрённо поливала Россию политической грязью за «союз с узурпатором» — и здесь впору вспомнить для сравнения предвоенную ярость Запада по поводу договора «Молотов — Риббентроп» 1939 года. Полагаю, в обоих случаях столь уж возбуждало тамошних политиков то, что сорвалась (пусть и до поры до времени) их

надежда русскими руками жар загребать, максимально ослабив как Наполеона с Гитлером, так и нас.

Что до проведения ниточки в наши дни, то напомним две группы фактов. Поставки по ленд-лизу наши союзники начали лишь после советской победы в 1941 году под Москвой — до этого выжидали, «кто кого». В 1942 году они их прервали на несколько месяцев, опять выжидая, кто победит под Сталинградом. А поставлялось ими, кроме неплохих консервов и недурных грузовиков-внедорожников «Студебеккер», в основном устаревшее оружие. Как говорится, «что нам не гоже»... В войну они ввязались лишь во второй половине 1944 года, понимая, что русские вот-вот пройдут с боями сквозь всю Германию, и надо срочно отсекаль от них её индустриальные западные регионы. Теперь о второй группе фактов. Как всем известно, уже лет двадцать на Западе правители «промывают мозги» своему населению на тему, что русские почти и ни при чём, а победили фашизм якобы англо-американцы, которым чуток подмогли французы. У них школьники, и не только троечники, уже долдонят, что Россия-де воевала на стороне Гитлера! А уж как варварски-разварварски (согласно нынешним западным басням) вели мы себя в Германии — не то, что Эйзенхауэр!..

Нечто подобное мы видим и в истории Наполеоновских войн. Кампанию 1812 года воспринимает, как второстепенный эпизод в биографии Наполеона, а ведь именно тогда именно русская армия сломала ему хребет.

— *Было ли нападение Наполеона чем-то уникальным для взаимоотношений России и Запада?*

— Уже несколько веков с завидной регулярностью повторяются аналогичные нападения, которые я бы назвал попытками «окончательно решить русский вопрос». «Смутное время» с кульминационной точкой в 1612 году, война Петра I с Карлом XII (кульминационная точка — под Полтавой в 1709 г.), наполеоновский визит в 1812 году и 1941–45 годы имеют немало общего.

Идеология победы

Это всё про куртуазных французских офицеров, про военнопленных. Перечитайте ещё, кстати, роман Михаила Николаевича Загоскина «Рославлев». Много помогает понять. Слава Богу, во время Великой Отечественной пленные фашисты жили, где положено, а не вертелись у русских помещиков на балах. Но, как я читал, между собой спорили, отчего русские, зная о зверствах оккупантов, и кормят пленным немцев прилично, и вообще миндальничают. Один из ответов, почему мы с ними ведём себя так, был истинно фашистский — потому, дескать, что русские, как народ, «расово неполноценный», даже победив, не смеют аналогично поступать с арийцами, «сверхчеловеками».

Возвращаясь в 1812 год: да, была «пятая колонна». Как же без неё, подлой...

— В чём тактическое своеобразие и стратегический смысл Бородинского сражения?

— Ну, я не маршал Жуков, не стратег, но с французской стороны это была упрямая лобовая атака на русские позиции. Вернее, затяжная серия непрерывных лобовых атак — ни одной пресловутой наполеоновской хитрой придумки. Кутузовская армия была несколько меньше французской, так что если и был у Наполеона расчёт, это был расчёт на силовое превосходство. Впрочем, тут я, видимо, о тактике. Ну, а «высокая стратегия» Бонапарта явно состояла в намерении непременно покончить на этом поле с русским сопротивлением, точку поставить, принудить Россию к позорному миру.

Что до Кутузова, он первые часы после окончания сражения был убеждён, что безусловно победил. Так написал царю и жене. Кутузов даже приказал готовиться к новому сражению буквально на следующий день — то есть он явно намеревался на Бородинском поле добить врага. Войска ликовали. Но кутру стало известно, что артиллерийские заряды почти исчерпаны, а потери огромны, и Кутузов приказал армии отойти.

Как стратег, Кутузов оказался проницательнее. Он понимал, что судьба кампании не решится под Москвой.

— Когда всё-таки в 1812-м вступил в дело генерал Мороз?

— Давным-давно установлено — проявился сей генерал в декабре, во время бегства французов через земли тогдашней Польши. Вот этот мороз и запомнился впечатлительным французам. Но боевые действия тогда уже не шли на территории нашей страны! Удирая из России, реку Березину они форсировали в середине ноября (по старому стилю) ещё по воде — хилый ледок был лишь у самых берегов реки. Какой там «генерал Мороз», это не более чем «капрал Холод», вполне привычный для европейцев. Но вскоре с подачи самого Наполеона (его 29-й бюллетень от 5 декабря) в западноевропейских странах журналоги, иначе не выразюсь, начали врать про «генерала». Русские участники войны (например, генералы Денис Давыдов и Михаил Орлов) только смеялись над этим.

Давыдов даже написал статью «Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году?». После Березины, говорит Денис Давыдов, действительно «настала смертоносная стужа», да только «армии, в смысле военном, уже не существовало, и ужасное явление природы губило уже не армию, способную маневрировать и сражаться, а одну сволочь, толпы людей, скитавшихся без начальства, без послушания, без устройства, даже без оружия».

Михаил Орлов тоже написал статью — «Размышления о 29-м бюллетене». В ней он откровенно потешался над «генеральской» темой. Например: «Скажут, что в сражении при Бородине (у Можайска) Наполеон единственно из упрямства заставил свою конницу ударить по всем батареям нашего левого крыла и что после многократных атак она почти вся была истреблена пушечным огнём... Вздор. Наши пушки не причинили ни малейшего вреда; только холод в разгаре лета истребил эту неисчислимую конницу». Холод в разгаре лета!

А.А. Александров. Мороз в разгаре лета

— **Наполеон занял Москву. Что это была за операция?**

— Взятие Москвы было для французов лёгким. Все, кто мог, из города ушли. Из примерно 270 тысяч москвичей (город тогда был маленьким — особенно по современным меркам) в столице осталось, по разным данным, от трёх до десяти тысяч (над ними наполеоновцы и поизгалялись вволю). Русская армия, выполняя приказ Кутузова, тоже рано утром 14 сентября ушла из города по Старой Рязанской дороге. Прямо на ней сделали первую ночёвку. Мой нынешний дом находится возле места, где тогда протекала река Люберка. По её берегам ночевала кавалерия. Кутузов со штабом расположились в деревне Панки.

Александр I негодовал, узнав, что Кутузов ушёл из Москвы, не попытавшись её оборонять. Известно, что победителей не судят: через пару месяцев Кутузов раздавил «Великую армию». Но всё-таки можно было, видимо, и иначе — вспомним 1941 год...

Наполеон на Поклонной горе по великой грамотности своей долго ждал каких-то мифических «бояр» с ключами от города, но не дождался, благо они все остались где-то в русском XVII веке... Не дождался он и иной какой депутации, всё понял и в озлоблении двинулся в пустой город. Из Кремля по французскому авангарду стали стрелять какие-то смельчаки. Французы из пушек разбили кремлевские ворота и «образцово-показательно» без всякого суда казнили этих патриотов, имена которых, к великому сожалению, так и остались неизвестными. Потом продолжились массовые расстрелы горожан по любому поводу, а то и спьяну, начались грабежи, в церквях устраивались конюшни...

О делах Наполеона в Москве расскажу для краткости и научной сухости цитатой из книги замечательного историка Любомира Бескровного «Отечественная война 1812 года»:

«Уже на другой день после вступления французской армии в Москву город был отдан

«Отступление Наполеона из Москвы». Худ. Адольф Нортерн. 1851 г.

Идеология победы

войскам на разграбление. Причём в это дело был внесён известный «порядок». Войскам назначался день и час, когда они могли идти на грабёж; в приказе это так и называлось: *aller a la maugrade*. <...> Офицер 2-го кирасирского полка Тирион жаловался, что «гвардия решительно всем овладела, отодвинула чинов армии и жила на полном довольстве... Гвардейцы устроили себе лавочки и открыли для армии торговлю чем только можно». <...>

4(16) сентября французские мародёры разгромили университет, выломав двери во всех его зданиях, а в ночь на 5(17) сентября подожгли его. Сгорели главное здание, обсерватория и другие помещения со всеми собранными в них научными ценностями. <...>

Была учинена жестокая расправа с русскими ранеными, которые, по мнению французского командования, могли стать организаторами партизанских отрядов. 15(27) сентября гвардейцы напали на Кудринский госпиталь, размещённый во Вдовьем доме, где находилось до 3 тыс. раненых русских солдат. Французы стреляли по госпиталю из пушек, бросали в окна горючие вещества. И как ни пытался смотритель Вдовьего дома Мириц-

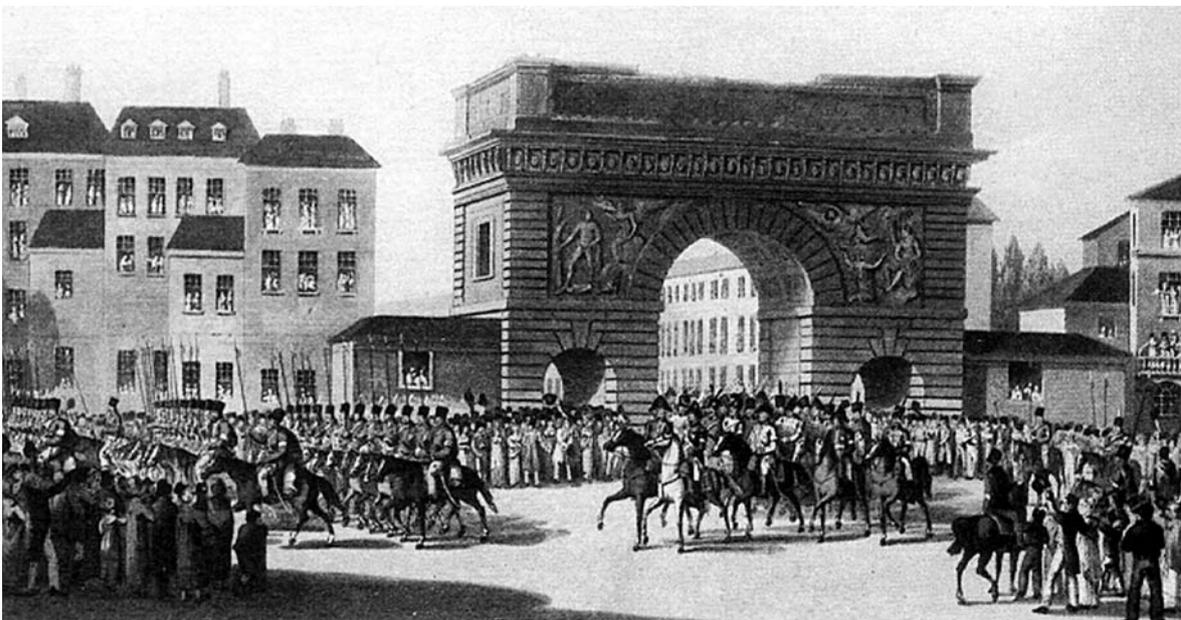
кий остановить этот акт бессмысленной жестокости, дом был сожжен и в нём сгорело до 700 человек раненых».

— Говоря об оккупированной столице, о великом московском пожаре, нельзя обойти вниманием фигуру графа Ростопчина. Той осенью много упало на его плечи. Как Вы оцениваете тогдашнюю деятельность этого опытного политика?

— Военный губернатор Москвы Фёдор Васильевич Ростопчин был человеком колоритным. Французов он терпеть не мог. Писательствовал, сочинил повесть «Ох, французы!». Писал неплохие памфлеты, а в 1812-м — очень нужные патриотические листовки, которые называли «афишами».

— Как политик екатерининской закваски, который откровенничал в переписке с самим Суворовым, он был несокрушимым патриотом империи.

— Но что он был за государственный муж? Весьма зорко разобрался в Ростопчине Л.Н. Толстой («Война и мир»). Я же приведу

Вступление русских войск в Париж 31 марта 1814 г.

Неизвестный художник, с оригинала И.Ф. Югеля по рисунку У.-Л. Вольфа.

А.А. Александров. Мороз в разгаре лета

два штриха. Первый: Кутузов, отойдя на следующий день после Бородинского сражения к Можайску, не нашёл там ни человеческих резервов, ни — на что он всё же рассчитывал! — артиллерийских зарядов, лошадей, шанцевого инструмента. Всё это Ростопчин обещал Кутузову, клянясь, что выставит позади его армии «вторую стену» из московских ратников (речь шла о 80 тысячах ополченцев). Такой сюрприз, строго говоря, предопределил оставление нашими Москвы: силёнок было маловато. Второй штрих: в Москве французы нашли брошенными, не уничтоженными огромные запасы оружия (пушек — более 150). «Вооружил» Наполеона фактически именно всё тот же ротозей и светский говорун — военный губернатор граф Ростопчин.

— Одна из загадок героической кампании 1812-го — это Березина. Несостоявшийся разгром Наполеона. Как Вы оцениваете действия Кутузова, Чичагова и Витгенштейна? Насколько справедлива басня Крылова «Щука и кот»?

— Басня «Щука и кот» про Чичагова, «моряка на суше». «Беда, коль пироги начнёт печи сапожник, а сапоги тачать пирожник». Гениально. Кутузов тут, конечно, ни при чём. Про него в другой басне Крылова — «Ты сер, а я, приятель, сед. И волчью вашу я давно натуру знаю». А Витгенштейн выполнял приказ, исходивший от царя, — он, фактически, почти всю войну с боями охранял дороги на Петербург. Затем они с Чичаговым прошляпили форсирование Наполеоном Березины. Всё потом свалили на одного Чичагова, хотя виноваты были оба. (Между прочим, Кутузов больше винил именно Витгенштейна.) «Загадка Березины», по-моему, не столь уж сложна. Дело в эгоизме и нерасторопности военачальников.

Конечно, приятно было бы взять в плен Наполеона на Березине. Но ведь его, проклятущего, европейские государи всё равно засунули бы потом жить и править куда-нибудь на Эльбу, а он с неё непременно бы сбежал, и нам опять-таки пришлось бы идти на

Париж, чтобы всё сделать до конца, хотя и немного в другом формате... Наполеон сдался нам в 1814 году, как миленький, Париж мы взяли, и это впечатляющие реальные исторические факты.

— Насколько разной выглядит история в документах и исследованиях — и в поэзии, в прозе свидетелей и непосредственных участников сражений? Что Вы выделяете из поэзии и прозы об Отечественной войне?

— Для свидетелей событий, авторов воспоминаний учёные-историки не нужны, а вот они учёным нужны. Что до войны 1812 года, Лев Толстой был убеждён, что пишущие о ней историки «нагло лгут». Так и написал однажды. Из литературы о той войне выделяется именно его великий роман, романы Загоскина, Данилевского, Мордовцева, записки Дуровой, ряд воспоминаний офицеров-участников и, конечно, общеизвестное стихотворение Лермонтова «Бородино».

— Каким было взятие нами Парижа? Как ныне относятся к Наполеону французы? Как Вы к нему относитесь?

— Я к Наполеону отношусь как к побеждённому врагу моей Родины. Военным гением его не считаю: уж больно легко и быстро наш народ его «сделал». Вон Гитлер тоже, до того как мы его разгромили, ходил у немцев в «гениальных»... Французы вольны относиться к корсиканцу Наполеоне Буонапарте, говорившему с итальянским акцентом, как им больше нравится. Для них он и сегодня национальный герой. Но военный гений у французов тогда, по-моему, был генерал Жан Моро. Только он был личным врагом Бонапарта, и тот от него быстренько избавился.

Удрал из России, Наполеон безрезультатно бросал на наступающих через Европу русских новые и новые армии. Было тепло, морозов нема, но «гениальность» куда-то подевалась.

Идеология победы

А Париж капитулировал перед русской армией 31 марта 1814 года. Про это грандиозное событие в либеральных кругах вспоминать «нерукопожатно», потому и надо вспомнить.

Русские в Париже никого не расстреляли, ни одной церкви не осквернили, ни одной лавочки не ограбили. Когда роялисты и просто подлизы пытались нам в угоду крушить памятники Наполеону, русские войска их отщепляли и ставили у таких сооружений охрану из казаков и пехотинцев. Чтобы предотвратить конфликты с бонапартистами, офицерам было приказано переодеться в гражданское платье. Они все прекрасно говорили по-французски и растворились в парижской толпе — вероятно, имея на случай нужды пару пистолетов за пазухой.

Но главное, каким конкретно образом капитулировал Париж! Об этом вы почти нигде не узнаете. Париж сдался единственному русскому: 26-летнему полковнику Михаилу Орлову. Да, тому самому. Он был послан парламентарём и провёл ночь в штабе у маршала Мармона, руководившего обороной города. До утра распивал шампанское с адъютантами маршала, спорил с ними по-французски, травил анекдоты. От души понравился! Под утро и удручённый Мармон присоединился к молодёжи. Наши войска уже взяли гору Монмартр, господствующую высоту. Дело было швах.

В конце концов Мармон спросил Орлова: «Какой бы трактат о нашей капитуляции составили вы, как благородный противник?» Орлов немедленно набросал по-французски несколько пунктов. Французы тут же

подписали эту его бумагу! Царь Александр I был ещё в постели, когда Михаил Орлов вошёл к нему со словами: «Вот капитуляция Парижа!»

За это его сделали генерал-майором, но с тех пор и французы, и наши мудрецы избегают упоминать, как конкретно всё получилось. Почему? Во-первых, Александр был болезненно самолюбив и славу ни с кем делить не хотел. Вот как он не любил — до ненависти — Кутузова! Орлова задвинули служить в провинцию, в город Кишинёв. Это было тогда место глухое, ссыльное — Пушкин как раз там был в «южной ссылке» и дружил с Орловым. Позже обиженный генерал-герой оказался причастным к восстанию декабристов. Он был одним из немногих, кто на допросах ничего ни про кого не стал рассказывать, чем взбесил Николая I. После этого вспоминать его и любые его дела на весь XIX век вообще стало делом запретным.

В советское время роль личности в истории стали трактовать по Марксу — ну, «не полагалось», чтобы личность в одиночку (без поддержки «народных масс») совершила историческое деяние — столицу Франции побудила к капитуляции. Опять замяли учёные чинуши реальный факт.

А ныне, как известно, о русских и их великих делах вообще принято умалчивать или, ещё хуже, всё перевирать.

Впрочем, Орлов подробнее рассказал, как оно было, в книге «Капитуляция Парижа». Переиздание 1963 года можно найти в Интернете.

